

12+

Гера Коваль

ШЕПТУХА ЛУГОВ:

—
След кошачьей тени

Гера Коваль

**Шептуха Лугов:
След кошачьей тени**

«Издательские решения»

Коваль Г.

Шептуха Лугов: След кошачьей тени / Г. Коваль —
«Издательские решения»,

Тишина в Лугах обманчива. На мёртвых животных появляется белая метка — точная копия пятна на груди фамильяра Ростислава. Новая Шептуха Ясения понимает: охота идёт на её шестисотлетнего стража, чья новообретённая человеческая форма стала ключом к древнему Мосту душ. Чтобы спасти свой род и закрыть проход для теней, Ростиславу предстоит сделать окончательный выбор: свобода или долг. Форма или любовь. Навсегда.

© Коваль Г.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. После победы бывает тишина	6
Глава 2. Белая метка	9
Глава 3. След в лес	12
Глава 4. Книга открывается сама	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Шептуха Лугов: След кошачьей тени

Гера Коваль

© Гера Коваль, 2026

ISBN 978-5-0070-0615-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается всем бабушкам, чьё ворчание — самая сильная магия.

От автора

Эта история родилась из запаха — печного дыма, свежееиспечённого хлеба и сырой земли после дождя. Из скрипа старых половиц и мурчания кота, который, кажется, знает о мире гораздо больше, чем мы.

Я верю, что магия не живёт в далёких королевствах. Она прячется в обыденном: в кружке травяного чая, заваренного заботливой рукой, в семейных преданиях, в тишине леса за околицей. Иногда, чтобы её найти, нужно просто вернуться домой.

Надеюсь, эта книга станет для вас таким же домом — тёплым, уютным и немного таинственным, куда всегда хочется возвращаться.

Глава 1. После победы бывает тишина

Утро в доме Воронцовых пахло сдобным тестом и топлёным молоком. Мирослава Никитична хозяйничала у печи с той же пугающей точностью, с какой когда-то опускала топор на берёзовое полено. Тесто она месила так, будто это оно перед ней было виновато...

— Вставать будешь, сонная тетеря, или мне самой всю сковороду съесть?

Ясения приоткрыла один глаз. За окном серело раннее утро, в горнице было тепло, а на подоконнике, свернувшись клубком, дремал Ростислав. Только вот дремал он как-то неправильно: уши торчком, шерсть на загривке чуть приподнята, а хвост подрагивает, будто кот и во сне продолжал сканировать пространство на предмет угроз.

— Бабуль, ну какие сковороды в восемь утра? — простонала Ясения, натягивая одеяло до подбородка. — У меня сегодня выходной. Я вчера заслонки тренировала, между прочим.

— Знаю я твои заслонки, — фыркнула Мирослава. — Опять до полуночи с Книгой сидела, прабабку Евдокию слушала. Она тебе про войну, а ты ей про моду. Хороша беседа.

С печи раздался тихий, хриловатый смешок. Ростислав приоткрыл один глаз.

— Не ворчи, Мирослава Никитична. Евдокии полезно узнать, чем дышит её наследница. Пусть даже о тряпках болтает, но ей приятно видеть своё родное.

Ясения села на кровати, потянулась и босиком прошлёпала к окну. Во дворе уже вовсю стучал топор — Гордей с самого рассвета возился с новой баней. Добротной, ладной, на совесть. Ясения залюбовалась: широкие плечи, уверенные движения, рубашка прилипла к спине от пота. Хорош. Очень хорош.

— Загляделась, — прокомментировал Ростислав. — Слюни подбери, а то по подбородку потечёт.

— И ничего я не загляделась. Я баню оцениваю. Состояние конструкций. Фундамент. Качество сруба.

— Конечно-конечно. Сруб у него отличный.

Ясения швырнула в кота подушкой. Тот лениво уклонился, даже не открывая глаз.

В кухне уже гремела заслонкой Мирослава Никитична. На плите подходило тесто, в чугунке томила каша, а бабушка, румяная и недовольная, резала сало толстыми ломтями.

— Выспалась, городская? Садись, ешь. Вон, мать вчера приехала, а ты дрыхла аж до восьми утра! Нехорошо.

Мария сидела тут же, в углу, с кружкой чая. Без макияжа, в простом свитере, с тихой улыбкой. Она приезжала теперь раз в две недели — по-прежнему немного чужая этому дому, но уже не беглая. Ясения подошла и молча обняла её за плечи. Мария вздрогнула от неожиданности, потом прижалась щекой к её руке.

— Я скучала, — сказала Ясения.

— Я тоже. Рада, что я здесь.

Гордей вошёл, стряхивая с сапог глину. Пахло от него росой, сосновой щепой и мужским потом. Он чинил баню второй месяц — доботно, неторопливо, как всё, что делал.

— Завтракать будешь или так и будешь порог обивать? — строго спросила Мирослава.

— Буду, — Гордей улыбнулся. — Только руки вымою.

— То-то же. А то ходят тут, понимаешь, строители. Баню который месяц строят, а аппетита нет. Непорядок.

— Бабуль, баня — это не самовар, — заметила Ясения. — Она быстрее не разогреется от того, что ты на неё ворчишь.

— А вот и разогреется! — отрезала Мирослава. — На ворчании всё в этом доме держится. И печь, и крыша, и ты, егоза.

Ростислав спрыгнул с подоконника и неспешно прошёл к столу.

— Не могу не согласиться, — произнёс он. — Ворчание Мирославы Никитичны — важный элемент местной экосистемы. Без него, боюсь, коровы перестанут доиться.

— Вот! — бабушка подняла палец. — Даже кот понимает.

— Я не просто кот. Я мыслящий кот. Разница существенная.

— А мыслящий кот сало будет?

— Буду, — Ростислав запрыгнул на лавку. — Но только потому, что оно нарезано тонко. Толстое сало оскорбляет мою эстетичную натуру.

— Ишь ты, эстетичный, — фыркнула Мария. — Полведра сметаны вчера умял — и эстетичный.

— Это была дегустация.

Завтрак шёл своим чередом. Ясения ела кашу и слушала привычную перепалку — бабушка ворчала, кот отвечал, мать улыбалась, Гордей молча жевал и поглядывал на неё тёплыми зелёными глазами. Обычное утро в Лугах. Тихое, сытое, безопасное.

После завтрака Ясения уединилась в горнице. Пора было тренировать заслонки — то, чему Ростислав учил её последние недели. Она села на лавку, скрестила ноги, закрыла глаза. Внутри, где-то на границе сознания, уже привычно зашевелились голоса. Евдокия что-то напевала себе под нос. Аглая перебирала травы. Какая-то дальняя прабабка, имени которой Ясения ещё не знала, тихо плакала в углу. И все они хотели быть услышанными.

Ясения представила дом. Свой дом. С дверями, засовами, тёплым светом в окнах. Она мысленно обошла его, закрывая каждую дверь по очереди. Щёлк. Щёлк. Щёлк. Голоса становились тише, дальше, уютнее. Последней она закрыла дверь в комнату Евдокии — та как раз пыталась что-то сказать про погоду.

— Позже, ба, — шепнула Ясения. — Дай мне утро спокойное.

В ответ — тихий, понимающий вздох. И тишина.

Ясения открыла глаза. В голове было чисто. Только её мысли, только её чувства. Она улыбнулась. Получалось. С каждым разом всё лучше.

Ростислав тем временем сидел на подоконнике и смотрел во двор. Не спал, не вылизывал лапу, не делал вид, что мир его не касается. Он сидел и смотрел. Шерсть на загривке стояла дыбом, хвост нервно подрагивал, а ноздри раздувались, втягивая воздух.

— Ростик? — Ясения подошла ближе. — Ты чего?

— Ничего, — ответил он слишком быстро. — Просто воздух. Пахнет странно.

— Чем?

Кот помедлил. Потом повернул голову, и в его жёлтых глазах мелькнуло то самое, древнее, дочеловеческое, что Ясения видела только раз — у ямы с Навым.

— Чужим. Пахнет чужим.

И тут со двора раздался крик. Не испуганный — скорее удивлённый и брезгливый. Кричала Мария.

— Яся! Мама! Тут... тут что-то на крыльце!

На крыльце лежала сорока. Мёртвая. Чёрные перья разметались по деревянным ступеням, клюв был приоткрыт, а голова свёрнута под неестественным углом. Но не это заставило Ясению замереть на месте. На груди птицы, ровно по центру, красовалось безупречно белое пятно. Не грязь, не птичий пух, не случайное сочетание перьев. Оно было точь-в-точь как галстук-бабочка Ростислава — то же расположение, те же очертания, даже лёгкая асимметрия справа, повторяющая изгиб шерсти на кошачьей груди.

Мирослава, вышедшая следом, молча перекрестилась. Гордей нахмурился и присел над птицей, но трогать не стал. Ясения почувствовала, как внутри что-то холодно сжалось и не отпускало.

— Это... совпадение? — тихо спросила она, хотя ответ уже знала.

Ростислав неторопливо вышел на крыльцо. Обошёл сороку по кругу, принялся. Потом сел, обвил хвостом лапы и поднял на Ясению свои древние, янтарные глаза. В них не было страха. Была усталая, горькая готовность.

— В нашем доме, Яся, совпадения обычно питаются кровью.

Ветер качнул верхушки Того леса. Где-то далеко, за Сухой Мологой, тревожно закричала ещё одна сорока и смолкла на полуслове.

Тишина вернулась. Но теперь она была другой — натянутой, звенящей, как тетива перед выстрелом.

После победы бывает тишина. После тишины приходит что-то новое. И оно уже здесь.

Глава 2. Белая метка

Второе тельце нашли у пастбища.

На этот раз это была не сорока. Заяц — молодой, серый, ещё не успевший сменить летнюю шубку на зимнюю — лежал на боку у самой изгороди. Передние лапы вытянуты, задние поджаты, глаза остекленели. И на груди, ровно по центру, белело пятно. Не природная отметина — слишком правильное. Слишком знакомое.

Первым его заметил пастушонок Лёшка, тот самый, что месяц назад едва не сгинул в Том лесу. Он прибежал к дому Воронцовых, запыхавшийся, бледный, и с порога выпалил:

— Там... там опять. Заяц. С меткой.

Ясения и Гордей переглянулись.

— Показывай, — коротко сказал Гордей, накидывая куртку.

У изгороди уже собрались деревенские. Человек пять — хмурые, молчаливые, в надвинутых на лбы шапках. Увидев Ясению, расступились. Не из уважения — из опаски. Она чувствовала их взгляды: липкие, изучающие, как будто на ней тоже искали белое пятно.

Гордей опустил на корточки перед зайцем. Осмотрел осторожно, не прикасаясь. Приподнял лапу, заглянул в остекленевший глаз. Потом покачал головой.

— Ни переломов. Ни следов когтей. Ни крови. Будто сердце взяло и остановилось.

— От страха? — тихо спросила Ясения.

— От чего-то похуже.

Сзади зашептались. Ясения уловила обрывки: «ведьма метит», «кот проклятый», «приехала городская — началось». Она не обернулась. В конце концов, люди боялись всегда. Боялись леса, боялись ночи, боялись тех, кто говорит с тем, чего не видно. Но одно дело — бояться, другое — тыкать пальцем.

Мирослава, подошедшая следом и всё слышавшая, упёрла руки в бока и обвела собравшихся таким взглядом, что шепотки стихли сами собой.

— Значит так, — отчеканила она. — Коли боитесь — молитесь. Коли сплетничаете — идите по домам. А коли у самих руки чешутся — могу топором тукнуть. Поможет от суеверий.

Толпа рассосалась быстро. Бабушка проводила их глазами и сплюнула в траву.

— Тьфу, кумушники. При покойной Пелагее такого не было.

— Пелагея была старостой, — тихо заметил Ростислав, всё это время сидевший в стороне и наблюдавший за происходящим. — А я, напомню, кот. И доверия к котам в русской деревне исторически маловато.

— Ты не кот, — строго сказала Мирослава. — Ты семья. А этих я сама разгоню.

Вечером Ясения пошла к реке.

Сухая Молога катила свои тёмные воды, и в них отражалось низкое, серое небо. Туман ещё не сошёл — цеплялся за ивовые ветви, стелился над берегом. Ясения села на поваленное бревно и стала ждать. Она не звала Забаву вслух — знала, что та чувствует её присутствие.

Вода дрогнула. Из глубины поднялась знакомая бледная фигура. Но сегодня Забава выглядела иначе. Обычно она выныривала легко, с улыбкой, готовая болтать о журналах и быти-новинках. Сейчас же русалка плыла медленно, почти нехотя, и её глаза-омуты были темнее обычного.

— Плохо дело, — сказала она вместо приветствия. — Вода тяжёлая. Как после грозы. Только грозы-то нет. И не было. А тяжесть есть. Давит.

— Мы нашли зайца, — сказала Ясения. — С таким же пятном, как у сороки.

— Знаю. Я слышала, как мужики болтали на берегу. Говорят, дело плохо.

Забава опёрлась подбородком на корягу и замолчала. Её перламутровая кожа в сумерках казалась почти прозрачной.

— Яся, — произнесла она наконец, и голос её прозвучал не снаружи, а прямо в голове, переливчато и холодно. — У вас не смерть. У вас скорняк-упырь завёлся. Работа аккуратная. Ясения замерла.

— Что значит «скорняк-упырь»?

— А то и значит. Кто-то вытягивает из животных жизнь. Не убивает — именно вытягивает. Как душу из тела. Шкурка целая, а внутри — пусто. Так не охотятся.

Ясения вспомнила слова Гордея: «Будто сердце взяло и остановилось». Вспомнила сороку — без единой капли крови, с идеально ровной меткой на груди. Вспомнила свой сон, в котором за последней заслонкой кто-то стоял и не дышал.

— Кто умеет «снимать» душу с тела? — спросила она, заранее зная, что ответ ей не понравится.

Забава помолчала. Её мокрые волосы шевелились в воде, а пальцы — бледные, с лёгкой зеленцой — нервно перебирали край коряги.

— Те, кто мосты строят, — ответила она наконец.

— Мосты? Какие мосты?

— Между мирами, Яся. Между живым и мёртвым, между тенью и плотью. Чтобы что-то провести с той стороны на эту, нужен мост. А чтобы мост построить, нужен материал. Души. Живые. Чем крупнее тварь, тем больше душ ей нужно. Птицы, зайцы — это только начало. Проба пера. Кто-то учится. Или проверяет, насколько здесь сильна защита.

Ясения почувствовала, как холод — знакомый, древний, родовой — пробирается от затылка вниз по позвоночнику.

— Зачем кому-то строить мост сюда?

— А вот это, — Забава подняла голову и посмотрела на неё своими бездонными омутами, — самый страшный вопрос. Потому что если мост уже строится, значит, на той стороне есть тот, кто хочет перейти. И он не просто хочет. Он готов платить.

— Чем платить?

— Чужими жизнями. Птичьими, заячьими. А потом — и не только.

Русалка медленно погрузилась в воду по самые плечи. Её лицо стало серьёзным, почти скорбным.

— Я пока не знаю, кто это, Яся. Но вода шепчет всякое. И всё, что она шепчет, мне не нравится. Будь осторожна. И кот пусть будет осторожен. Метка-то на нём. Значит, и цель — он.

— Или я.

— Или вы оба. Вы же связаны.

Забава ушла под воду без всплеска, без круга. Только лёгкая рябь пробежала по тёмной глади и исчезла у берега. Ясения осталась одна. В лесу за рекой тревожно закричала птица — и смолкла.

Домой она вернулась поздно. В горнице горела свеча, Ростислав сидел на столе и смотрел на сороку. Гордей, оказывается, принёс её в дом — аккуратно, на дощечке, чтобы кот мог изучить.

— Ну что? — спросил Ростислав, не оборачиваясь. — Что сказала дама с рыбьим седлицем?

— Во-первых, она русалка, а не рыба. Во-вторых, сказала, что кто-то вытягивает души из тел. Аккуратно, без следов.

— Так я и думал. А кто?

— Те, кто мосты строят.

Кот медленно повернул голову. В его жёлтых глазах отразился огонёк свечи — или что-то более древнее.

— Мосты. Плохо.

— Ты знаешь, о чём она?

— Знаю, — Ростислав прыгнул со стола. — Мостовики — это не люди. И не нечисть в привычном смысле. Это... архитекторы границы. Те, кто умеет прокладывать пути между мирами. Раньше они были редкостью. Очень большой редкостью. Потому что на строительство моста уходят десятилетия и сотни душ. Но если кто-то взялся за дело здесь...

— То что?

— То либо это чванливец, либо он знает короткий путь.

— Какой короткий путь?

Ростислав помолчал. Потом посмотрел на сороку, на её безупречный белый галстук, на остекленевший птичий глаз.

— Через Книгу, Яся. Через твою Книгу. В ней — голоса всех Воронцовых. Десятки душ, привязанных к одному роду. Если кто-то сумеет до них добраться... ему не нужны будут зайцы и птицы. Ему хватит одной ночи.

Ясения медленно опустилась на лавку. Книга рода лежала на столе, в двух шагах от неё. Потёртая кожа, выцветшие чернила, имена, вписанные дрожащими руками. Её имя — последнее. И дверь, которую она вчера забыла закрыть.

— Я исправлю, — сказала она тихо. — Закрою. Так, что никто не войдёт.

— Закрывай, — согласился кот. — А я пока подумаю, кто из мостовиков мог дожить до наших дней и набраться такой наглости.

Он вскочил на подоконник, бросил последний взгляд во двор, на тёмную стену Того леса, и тихо добавил:

— И почему метка моя. Вот что мне особенно не нравится. Будто подпись. Будто я уже где-то это видел. Давно. Очень давно.

За окном, у кромки леса, мелькнула тень. Не звериная, не птичья — слишком плавная, слишком осмысленная. И пропала.

Ночь в Лугах перестала быть тихой.

Глава 3. След в лес

— Надо идти, — сказала Ясения.

Гордей поднял голову от кружки. Мирослава замерла с ухватом в руке. Даже Ростислав, дремавший на подоконнике, приоткрыл один глаз и внимательно посмотрел на свою ученицу.

— Куда? — спросил он, хотя ответ уже знал.

— В Тот лес. Туда, где нашли зайца. И сороку.

— Заяц был у пастбища. Сорока — на крыльце.

— Но следы ведут в лес. Я чувствую. Вы разве нет?

Мирослава и Гордей переглянулись. Ростислав спрыгнул с подоконника, потянулся — длинно, до хруста в лапах, — и произнёс:

— Чувствую. И мне это не нравится.

— Поэтому и надо идти сейчас, — твёрдо сказала Ясения. — Пока оно не приблизилось к дому.

— Или пока мы сами не пришли к нему в пасть, — проворчал кот. — Но ты права. Лучше знать, чем гадать. Собирайся. И сапоги надень. Резиновые.

— Ты же говорил, что философу всё равно, в чём ходить.

— А это не для философии. Это для выживания. Чувствуешь разницу?

Тот лес встретил их тишиной. Не той, враждебной и плотной, как в день поисков Серёжи, а другой — настороженной, выжидательной. Деревья стояли неподвижно, но Ясения кожей чувствовала: за ними наблюдают. Не нападают, не угрожают — именно наблюдают. Будто лес сам ещё не решил, что делать с незваными гостями.

Гордей шёл первым. В одной руке — тяжёлый фонарь (выключенный, как учил Ростислав), в другой — охотничий нож. Ясения — следом. Ростислав то бежал впереди, то исчезал в подлеске, то появлялся снова — чёрный, бесшумный, сосредоточенный. Он не шутил. За всё время, пока они углублялись в чащу, не отпустил ни одного саркастичного комментария. И это пугало Ясению больше, чем любые следы.

— Здесь, — коротко сказал кот, останавливаясь у замшелого валуна.

Ясения присела на корточки. На мху, ровным кругом, была рассыпана соль. Крупная, серая, с розоватым оттенком — точь-в-точь такая, какую они нашли у избы бабы Поли месяц назад. А поверх соли вилась нитка. Не льняная, не шерстяная, не суровая. Ярко-синяя, синтетическая, блестящая в тусклом лесном свете.

— Опять, — выдохнула Ясения. — Как тогда. Синтетика. Кто-то снова играет с обрядами.

— Не просто играет, — Ростислав наклонился над кругом, и его жёлтые глаза сузились. — Смотри внимательно.

Ясения присмотрелась. Соль лежала не просто россыпью — она образовывала знаки. Грубые, но узнаваемые: треугольник, вписанный в круг, и несколько штрихов, напоминающих буквы незнакомого алфавита. А нитка была завязана узлами. Не простыми — ритуальными. Семиузلية. Так вяжут, когда хотят не просто навредить, а запечатать. Или открыть.

— Это же... — начала она.

— Да, — перебил кот. — Монастырская традиция. Та самая, которой меня учили шестьсот лет назад. Я думал, она умерла вместе с братией. Оказалось — нет.

— Кто-то из твоих? Выжил?

— Или кто-то нашёл записи. Что ещё хуже.

Гордей тем временем отошёл на несколько шагов и остановился у корней старой ели.

— Тут следы, — тихо позвал он.

Следы были странные. Ясения сразу поняла, что с ними не так, но сформулировать смогла не сразу. Лапа. Но не звериная. Подушечки расположены как у кошки — широко, с глубокими отметинами когтей. Но размер — с человеческую ступню. И пятка. Человеческая пятка, отпечатавшаяся глубже всего, будто тварь ступала тяжело, по-людски.

— Гибрид, — тихо сказала она. — Не зверь и не человек.

— Магия смешения, — отозвался Ростислав. — Очень старая. Очень запрещённая. И очень опасная. Если кто-то умеет делать таких тварей, он не остановится на птицах и зайцах.

— Почему?

— Потому что смешение требует жертв. И чем сложнее гибрид, тем больше душ нужно скормить, чтобы он держал форму. Это мостовик, Яся. Точно тебе говорю. И он уже начал строить.

В этот момент лес вокруг них дрогнул. Не деревья — тени. Они сгустились, уплотнились, и из темноты между стволами выскользнуло нечто.

Оно было похоже на кошку. Огромную, размером с овчарку, с неестественно длинными лапами и приплюснутой мордой. Но это был не зверь. Текучая, клубящаяся тьма, стусок теней, в котором угадывались очертания хищника. Глаза — два белых провала без зрачков. И на груди, там, где у живого существа было бы сердце, белело знакомое пятно в форме галстука-бабочки.

— Не фонарь, — быстро сказал Ростислав, хотя Гордей уже потянулся к кнопке. — Свет её не берёт. Только злит.

Тварь замерла на миг, оценивая расстояние. Потом прыгнула.

Целилась в Ясению.

Гордей среагировал мгновенно. Он выбросил вперёд левую руку с телефоном, развернув экран чёрным зеркалом прямо в морду твари. Собственное отражение ударило в теневую кошку размытым тёмным пятном. Та взвизгнула — беззвучно, но Ясения услышала этот визг внутри головы, тонкий и злой, — и на секунду замешкалась, ослеплённая собой. Её лапа, занесённая для удара, рассекла воздух в сантиметрах от лица Ясении. Девушка отшатнулась, спиной врезавшись в ствол сосны.

— Яся, шепчи! — рявкнул Ростислав.

Но Гордей уже не ждал. Он шагнул вперёд, заслоня Ясению, и встретил второй прыжок твари лезвием. Нож рассёк тень — не задержал, не ранил, но на мгновение разорвал её форму. Чёрный дым брызнул в стороны, как кровь, и тут же снова стянулся в хищный силуэт. Тварь перегруппировалась, обошла Гордея слева и атаковала сбоку, целя в ноги. Когти — не материальные, но оттого не менее острые — вспороли штанину и оставили на бедре три глубокие, мгновенно вспухшие царапины. Гордей зашипел сквозь зубы, но устоял.

— К земле! — выкрикнула Ясения, падая на одно колено и вжимая ладони в мох.

Корни дрогнули. На этот раз сильнее — не просто ожили, а вырвались из земли, толстые, узловатые, покрытые прелой хвоей. Они хлестнули по лапам твари и оплели их мёртвой хваткой. Тень взвыла, дёрнулась, попыталась вытечь из захвата, но корни держали.

— Долго не удержат! — крикнул Ростислав, прыгая Ясении на плечо. — Она неживая, земля её не чувствует по-настоящему!

И правда: корни уже начинали дрожать, теряя силу. Тварь выскользывала из них, как вода сквозь пальцы.

— Телефон! — бросила Ясения Гордею. — Ещё раз!

Он понял без лишних слов. Снова вскинул руку с экраном, поймал отражение твари и ударил им в неё. Та задёргалась, закружилась на месте, пытаясь вырваться и из корней, и из собственного зеркального плена. Её форма поплыла, исказилась, пошла рябью.

Ясения не упустила момент. Она закрыла глаза и выстроила заслон — не для себя, для леса. Мысленно нарисовала вокруг твари круг, как учил Ростислав, и резко захлопнула его, отсекая тень от напитывавшей её тьмы.

— Изыди, — шепнула она.

Это было не Слово, не заклинание. Просто приказ, подкреплённый волей и правом Шептухи. И лес подчинился. Корни сжались в последний раз — и тварь лопнула. Без звука, без вспышки. Просто разлетелась клочьями тени, которые растаяли в воздухе, как дым на ветру. Только белое пятно на миг задержалось, повисло в пустоте — галстук-бабочка из лунного света — и исчезло последним.

В лесу снова стало тихо. Только хриплое дыхание Гордея, только стук сердца Ясении в ушах, только лёгкий звон в голове — отголосок чужой ярости.

— Ты как? — Ясения подскочила к Гордею.

— Жить буду, — он поморщился, опуская взгляд на располосованную штанину. — Царапины неглубокие. Но печёт знатно.

— Это не просто царапины, — мрачно сказал Ростислав, спрыгивая с её плеча. — Это метки. Они будут болеть, пока мы не разберёмся с хозяином. И они — маяк. Он теперь знает, где ты. Всегда.

Ясения стянула с шеи платок и туго перевязала рану.

— Тогда не будем задерживаться. Уходим.

— Уходим, — согласился Ростислав. — Только не по тропе. Через овраг. Там вода, она границу держит.

Они побежали. Ясения — впереди, перепрыгивая через корни и уворачиваясь от веток. Гордей — за ней, тяжело дыша, но не отставая ни на шаг. Ростислав мелькал где-то сбоку, указывая путь.

За их спинами лес оживал. Не весь — только тени. Они сгущались, тянулись следом, отставая на какие-то метры, но не отступая. Ясения чувствовала их спиной, затылком, каждым волоском на руках. Холодные, голодные, терпеливые.

Овраг открылся внезапно — земля ушла вниз, и внизу блеснула вода. Узкий ручей, заросший осокой, пах торфом и прелой листвой. Ясения скатилась вниз по склону, едва удержав равновесие, и с разбегу влетела в воду. Холод обжёг щиколотки, но это было правильно — живая вода, граница, защита. Гордей спрыгнул следом, и тени, добежав до края оврага, остановились. Замерли на кромке, как свора псов у невидимой изгороди. И медленно, нехотя отступили обратно в чащу.

— Не перешли, — выдохнул Гордей, упираясь ладонями в колени. — Вода их держит. Как Забава сказала.

— Держит пока, — Ростислав сел у кромки ручья и обвил хвостом лапы. — Но с каждым разом они будут подходить ближе. И в следующий раз их будет больше.

Гордей вытер пот со лба, посмотрел на свои исцарапанные ноги и сквозь зубы произнёс:

— Это... не волк.

Ростислав, тяжело дышавший у кромки воды, повернул голову.

— Поздравляю. Ты наконец-то догнал реальность.

— Тварь, — Гордей покачал головой. — Из теней. Таких не бывает.

— Бывает, — кот прошёлся вдоль ручья и сел. — Теневой гибрид. Кто-то вытянул душу из живой кошки, смешал её с тьмой и отправил по нашему следу. И я почти уверен, что это был пробный шар. Проверка.

— Проверка чего? — спросила Ясения, всё ещё чувствуя дрожь в коленях и холод в животе.

— Тебя, — Ростислав поднял на неё глаза. — Твоей реакции. Твоей силы. Твоей связи со мной и с лесом. Он смотрел нашими глазами. Вернее — глазами своей марионетки. И теперь он знает, на что ты способна.

— И на что я способна?

— На большее, чем он ожидал, — кот чуть склонил голову набок. — Ты не просто шепчешь земле. Ты построила заслон на лету, в бою, без подготовки. Это третий уровень, Яся. Я тебя этому ещё не учил. Ты сама додумалась. И это впечатляет. И пугает. Одновременно.

Гордей выругался сквозь зубы и убрал телефон в карман. Ясения опустилась на поваленный ствол, переводя дыхание. Руки всё ещё подрагивали, но голова была ясной. Тварь — пробный шар. Метка — подпись. Мост — строится. Ранение Гордея — маяк. Всё сходилось в одну картину, и картина эта ей отчаянно не нравилась.

— Ростик, — спросила она, — ты говорил, что монастырская традиция умерла. Но если кто-то нашёл записи, то где? В монастыре? На Чёрной заводи?

— Нет. Там бы я почуял. Там стражи не дали бы забрать ничего без спроса.

— Тогда где?

Кот долго молчал. Потом медленно, с расстановкой произнёс:

— А что, если не нашёл? Что, если всегда знал? Что, если это кто-то из моих старых знакомых, которые не умерли, а просто затаились? Шестьсот лет — большой срок, Яся. Я много кого знал. И не все из них хотели мне добра.

— У тебя есть враги?

— У каждого шестисотлетнего алхимика есть враги. Это профессиональная особенность.

Ручей журчал. Лес молчал. Тени больше не шевелились, но Ясения знала: это ненадолго.

— Возвращаемся, — сказал Гордей, подавая ей руку. Он опирался на здоровую ногу, но старался не показывать боли. — Дома решим, что делать. И рану надо промыть. Как следует.

— Дома, — эхом повторила Ясения. — Если он ещё наш.

— Ваш, — раздался голос Забавы откуда-то из воды. Вода вскипела пузырями, и из неё поднялась бледная фигура. Русалка выглядела встревоженной: волосы разметались по плечам, глаза полны страха. — Пока ваш. Река держит. Теней отогнала, но они кружат выше по течению. Долго не продержу. Возвращайтесь быстро. И не оглядывайтесь.

— Спасибо, — коротко бросила Ясения.

— Не за что пока. Вот когда закончится — тогда и поблаговаришь.

Они выбрались из оврага, держась ближе к воде, и быстрым шагом двинулись к опушке. Лес больше не молчал — он тихо, тревожно гудел. Не угрожал, предупреждал. Будто шептал: «Бегите. Пока можно».

За их спинами, у валуна, где остался растоптанный соляной круг, медленно, словно нехотя, собрались воедино оставшиеся клочья тени. Они свились в тонкую, дрожащую нить и потянулись на запад — туда, где за лесом, за болотами, за Чёрной заводью лежали земли, не отмеченные ни на одной карте.

Там, в глубокой ложине, которую местные называли Волчьей падью и обходили стороной даже в солнечный полдень, нить нырнула в щель между камней и исчезла. А мгновение спустя из темноты раздался тихий, скрипучий смех — и смолк.

Охота началась.

Глава 4. Книга открывается сама

Вернулись к дому Воронцовых уже в сумерках. Гордей шёл тяжело, опираясь на плечо Ясении, и хотя на вопросы отвечал коротким «нормально», было видно: рана болит сильнее, чем он показывает.

Мирослава встретила их на крыльце. Окинула взглядом располосованную штанину Гордея, побледневшее лицо Ясении и взъерошенную шерсть Ростислава. Ничего не спросила. Только поджала губы и молча посторонилась, пропуская всех в дом.

В горнице пахло травами и печным теплом. Мария, приехавшая на выходные, уже грела воду. Увидев рану, она охнула, но быстро взяла себя в руки и принялась помогать бабушке — подавать чистые тряпицы, заваривать кору дуба для промывания. За годы жизни в Москве она забыла многое, но руки помнили: как перевязать, как успокоить, как не мешать, когда нужно делать.

Гордей сидел на лавке, стиснув зубы, пока Мирослава обрабатывала длинные рваные царапины. Они уже потемнели по краям — не гноились, но и не затягивались, будто сама плоть не хотела заживать.

— Непростые это царапины, — наконец произнесла бабушка, затягивая повязку. — Теневые. Пока хозяина не сыщем, будут болеть и маячить.

— Знаю, — коротко ответил Гордей. — Ростислав предупредил.

— А раз знаешь, сиди и не дёргайся. Яся, принеси настойку календулы. Машка, смени воду.

И они работали втроём — быстро, слаженно, словно всегда так и было. Ясения ловила себя на мысли, что видит мать и бабушку вместе за общим делом впервые в жизни. И от этого в груди разливалось странное, щемящее тепло — не магия, не колдовство, просто семья.

Когда с раной было покончено и Гордей, бледный, но уже без боли в глазах, уснул на лавке под старым тулупом, Ясения подошла к столу, чтобы убрать разбросанные бинты, и замерла.

Книга рода лежала открытой.

Она точно помнила: утром книга была закрыта, застёгнута на медную пряжку, как всегда. Теперь же она лежала раскрытой посередине стола, и страницы, обычно тусклые и пожелтевшие, слабо мерцали в неверном свете керосиновой лампы.

— Бабуль, — тихо позвала Ясения. — Ты книгу трогала?

— Не подходила, — Мирослава нахмурилась. — Она утром закрыта была. Сама, что ли, раскрылась?

— Сама, — раздался голос Ростислава.

Кот сидел на подоконнике, но смотрел не во двор — на книгу. Его жёлтые глаза горели в полумраке, а хвост лежал неподвижно.

— Она почуяла, — тихо сказал он. — Как и мы. Книга всегда чует, когда роду угрожают. Смотри, что показывает.

Ясения склонилась над страницами. Книга раскрылась не на её записи и не на имени Мирославы. Страница была старой, почти ветхой, чернила выцвели до бледно-коричневого. Имя вверху: «Аглая. Первая». А внизу, под строками, которые Ясения уже читала раньше, проступало что-то новое.

Рисунок. Не нарисованный человеческой рукой — скорее проступивший из самой бумаги, как испарина на холодном стекле. Белое пятно на чёрном фоне. Точёная форма галстука-бабочки. И вокруг него — мелкие, едва различимые знаки, похожие на те, что они видели в лесу.

— Это же метка, — прошептала Ясения. — Та самая. Откуда она в книге?

— Книга показывает, — медленно произнёс Ростислав, спрыгивая с подоконника и приближаясь к столу. — Она не предсказывает будущее. Она отражает то, что уже связано с родом. Если метка появилась на странице Первой, значит...

— Значит, это связано с Первой, — закончила Ясения. — С Аглаей. С тобой.

Ростислав долго смотрел на рисунок. Его морда оставалась неподвижной, но Ясения видела, как поджались усы и как едва заметно вздыбилась шерсть на загривке.

— Эту метку я уже видел, — сказал он наконец. — Очень давно. Не здесь. Не в Лугах. В монастыре.

— На ком?

— На человеке. На монахе, который учил меня алхимии. Его звали брат Игнатий. У него было такое же пятно — на рясе, на груди. Он говорил, что это знак служения. А потом он исчез. И я никогда не спрашивал куда.

— Исчез?

— Бесследно. Келья пустая, вещи на месте, а его нет. Братия решила, что он ушёл в затвор. Но я... я всегда думал иначе.

Мирослава, слушавшая разговор молча, вдруг поднялась и направилась к двери в сени.

— Ты куда? — спросила Мария.

— В подпол. За сундуком.

— За каким?

— За тем, что от Аглаи-ворожеи остался.

Ясения и Мария переглянулись и пошли следом. В подполе было темно и пахло сырой землёй. Мирослава зажгла свечу и откинула тяжёлую крышку сундука. Внутри, в неверном свете, тускло блеснули старые вещи: платки, крестики, кольца, часы с цепочкой — всё, что Аглая крада с кладбища и что Мирослава годами у неё отнимала.

— Мы тогда всё перебрали, — тихо сказала Ясения. — Ничего особенного там не было.

— Тогда не было, — бабушка запустила руку вглубь сундука. — А теперь...

Она извлекла что-то со дна. Обрывок ткани — вернее, даже не ткани. Мягкий, ворсистый, неестественно белый. Он не пожелтел от времени, не истлел, не потерял ни цвета, ни формы. И узор на нём — тот самый, галстук-бабочка, — проступал так чётко, будто его вышили вчера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.